

**Источник: Вехи Таганрога**  
**Дата выпуска: 2017**  
**Номер выпуска: 67-68**  
**Заглавие: Солнечные часы**  
**Автор: И. Д. Василенко**

Почти полтора века стояли они на площади. Ранним утром, когда над серебристо-матовой чешуей моря всплывал огненный диск, восьмигранная доска чистейшего каррарского мрамора нежно розовела, точно к ее поверхности прилиwała алая кровь, и между тонкими черточками минутных делений начинала двигаться прозрачная теневая стрелка. Часы оживали с первым лучом солнца и замирали с последним его лучом.

По солнечным часам гудел фабричный гудок, отходили в морскую даль пароходы, шли на службу сонные чиновники, спешили в гимназию стайки юрких гимназистов.

И всегда здесь, на зеленых скамейках, на солнечном припеке, сидели портовые люди и не торопясь обсуждали международные дела и цены на пшеницу.

Многие годы по солнечным часам шла жизнь этого южного городка, омываемого вечно говорливым морем.

Потом к городу протянули из степи проволоки, и горожане стали сверять свои часы на вокзале, куда время приходило из самой столицы по гудящим проводам.

А еще полвека спустя за точным временем не надо было даже выходить из дому: двумя продолжительными и одним коротким сигналами оно возвещало о себе прямо из эфира на каждой улице, в каждом доме.

Солнечные часы еще стояли на площади, еще скользила их теневая стрелка по искристому мрамору, но уже редко кто мог разобраться в тонком рисунке линий, что густой сеткой покрывали доску мрамора.

И лишь два человека, каждое утро пересекавшие площадь, неизменно останавливались у восьмигранного пьедестала мраморной доски.

Один, высокий старик со шрамом на впалой щеке, со скрипучим протезом вместо левой ноги, вынимал из жилетного кармана массивный хронометр, другой, худощавый мальчик лет тринадцати, стройный и гибкий, высовывал из рукава миниатюрные часики на узком ремешке. Кивнув друг другу, старик и мальчик расходились: первый направлялся к голубому, со стеклянной стеной павильону, над которым повисли в воздухе золоченые часы-реклама, второй бежал к большому каменному зданию, из окон которого лился на площадь звон ребячьих голосов.

Казалось, ни в ком уже из горожан, кроме этих двух, не осталось и следа от прежнего интереса к солнечным часам. И вдруг он вспыхнул с силой, какой не знали часы в свои самые счастливые времена.

В город вторглись фашисты, и стрелки огромных круглых часов, что висели на улицах и площадях, отодвинулись назад. Вместо привычных сигналов из Москвы горожане услышали звон из Берлина.

Перевел стрелку своих карманных часов и провизор Луконский, благообразный старик с синими иконописными глазами, к изумлению граждан ставший вдруг бургомистром.

Но остальные граждане как жили по московскому времени, так и продолжали жить. Они вспомнили, что астрономическое время того меридиана, на котором стоит их город, только на четыре минуты отстает от московского, и, с презрением отвернувшись от круглых часов на улицах, пошли сверять свои часы к мраморной доске.

В придавленном и онемевшем городе место у солнечных часов стало единственно живым местом: сюда приходили узнавать свежие новости с «Большой земли», здесь к людям, упавшим духом, возвращалась надежда.

Германский советник бургомистерства капитан Вилле, поглаживая мизинцем тонкие полоски светло-желтых усов и мило улыбаясь, сказал на очередном приеме бургомистру:

- Господин Луконский, вы меня огорчаете: одно из ваших учреждений упорно саботирует распоряжение германских властей.

Луконский знал, что за подчеркнутой вежливостью всегда следовали вспышки необузданного гнева, и быстро ответил:

- Назовите, капитан, это учреждение, и я не медленно накажу виновного.

- Это учреждение -- городские солнечные часы: они показывают московское время.

Приняв слова советника за остроумную шутку, бургомистр подумал, что хороший тон требует такого же остроумного ответа, и сказал:

- Увы, господин капитан, я не в силах наказать солнце...

Но тотчас осекся, заметив, как вдруг застыло в холодной неподвижности белое лицо советника.

- Вы говорите вздор, господин бургомистр! - сквозь зубы процедил советник. - Мы не можем допустить исключение даже для солнца. Извольте принять меры, чтобы солнечные часы показывали берлинское время.

Он встал, давая понять, что разговор окончен. Огорошенный бургомистр попятился к двери.

- Конечно, конечно, - бормотал он, - дисциплина прежде всего... Будьте уверены, я приму все меры.

Только стена отделяла кабинет бургомистра от кабинета советника, но за этой стеной Луконский менялся неузнаваемо: спина, сутулая в кабинете советника, здесь величественно выпрямлялась, синие глаза приобретали холодный блеск, в жидком голосе появлялись басыстые нотки. Таким он и сидел за огромным столом орехового дерева, когда ему доложили о приходе часовых дел мастера.

Поскрипывая протезом, в кабинет вошел старик со шрамом на щеке.

Бургомистр оторвал взгляд от бумаг, милостиво кивнул головой:

- Вы? Отлично! Приятно вновь встретиться с человеком, у которого золотые руки. Лет двенадцать назад вы починили миниатюрные часики моей жены. Они до сих пор идут, как хронометр. Тогда, помнится, у вас как раз родилась дочь.

- Сын, господин бургомистр, - сдержанно поправил мастер.

- Виноват, сын. Что он, жив?

- Жив, господин бургомистр.

- Отлично! Превосходно!

Жестом радушного хозяина бургомистр указал на кресло:

- Садитесь, господин Волков. Я пригласил вас, чтобы поговорить об очень интересном деле.

Мастер покосился на кресло, но не сел, а только скрипнул протезом.

- Я вас слушаю, господин бургомистр.

- Ну-ну, как вам удобнее, приятель, - снисходительно улыбнулся бургомистр. Он помолчал, как бы что-то прикидывая в уме, и с благостью в синих глазах спросил: - Ведь это правда, дружище, что наши солнечные часы мастерил ваш дед?

- Прадед, господин бургомистр, - опять поправил мастер.

- Виноват, прадед. Ах, как это великолепно! Но, в таком случае, вам вся эта солнечная механика должна быть вполне знакома?

Мастер насторожился.

- Часы делал мой прадед, господин бургомистр, - уклончиво сказал он.

- Бросьте, бросьте, старина, не скромничайте! - весело воскликнул бургомистр. - Ведь все знают, что вы каждое утро сверяете свой хронометр с часами вашего знаменитого предка.

Он обошел вокруг своего массивного стола и вплотную приблизился к мастеру:

- Сколько, приятель, вам нужно дней, чтобы солнечные часы стали показывать берлинское время?

Мастер сделал шаг назад и удивленно взглянул на бургомистра:

- Вы шутите, господин Луконский?

- Нисколько, мой дорогой, - ласково ответил бургомистр. - Ведь все мы живем по берлинскому времени. А скоро по берлинскому времени будет жить весь земной шар. Зачем же отставать русским часам?

В глазах старика вспыхнули огоньки:

- Это невежество, господин бургомистр! Русские часы не отстают от берлинских: они идут впереди берлинских.

Улыбка еще скользила по губам бургомистра, но синие глаза его остекленели.

- Это в каком же смысле, господин часовых дел мастер? - делая ударение на каждом слоге, проговорил он.

- Во всех смыслах, господин провизор, - не отводя глаз от глаз бургомистра, твердо ответил мастер.

- Так вот ты чем дышишь! - весь скрючившись, прошипел бургомистр в лицо старика.

- Ну, тогда с тобой поговорят в зондеркоманде...

В небольшой комнате третьего этажа, освещенной коптилкой, на потертом кожаном диване лежал мальчик. Стрелки десятка стальных часов, наполнявших комнату непрерывным движением и стуком, показывали второй час. Но мальчик не спал. Он смотрел в потолок тоскующими глазами и думал. Позавчера, в такой же поздний час, пришли гестаповцы и увели отца.

Сколько несчастья от этих фашистов! Мальчик знает, чего они хотят от старого мастера. Но отец никогда не согласится, чтобы солнечные часы его родного города показывали берлинское время.

В волнении мальчик вскакивает с дивана. И вдруг замирает, услышав далеко на лестнице знакомые шаги: легкий шелест подошвы и следующий за ним скрип протеза.

- Отец! - вскрикивает мальчик и, распахнув дверь, несется вниз по ступенькам.

Обнявшись, отец и сын поднялись в свою комнату. Но тут у мальчика сжалось сердце: даже при тусклом свете коптилки он не смог не заметить, как осунулось и постарело лицо отца.

Мастер молча опустил на стул и прикрыл глаза. И оттого, что нос его заострился, а глаза, прикрытые тонкой пленкой век, казались на похудевшем лице выпуклыми, он был похож на большую птицу, истерзанную и измученную.

От жалости у мальчика задрожали губы. Он опустил на пол, уткнулся лицом в колени отца и заплакал.

Но вдруг поднял голову и с недоумением и тревогой спросил:

- Папа, но они тебя все-таки отпустили... Значит... значит, ты согласился?..

Мастер открыл глаза и с болезненной судорогой на лице прошептал:

- Они грозили убить тебя на моих глазах, если я не соглашусь... И я сказал им, что согласен.

- Но, папа!.. - мальчик судорожно схватил отца за руки. - Папа, ведь легче умереть, чем предать наши часы!.. Неужели мы хуже всех в нашем роду?!

Не отвечая, мастер жадно смотрел на сына и в его измученных глазах светилась гордость.

В один летний день, когда солнце сияло особенно ярко, горожане были ошеломлены неожиданным сообщением бургомистерства, напечатанным крупными буквами в местной газете:

«В течение 150 лет площадь города украшают солнечные часы, созданные искусной рукой нашего земляка, талантливого мастера Тихона Волкова. Ныне его потомки, всем известный в городе часовых дел мастер Иван Семенович Волков и его юный сын Алексей, желая выразить преклонение граждан нашего города перед Германией фюрера Гитлера, так перестроили солнечные часы своего предка, что они будут впредь показывать время мировой столицы - города Берлина. Сегодня в двенадцать часов дня, после парада войск в честь фюрера, юноша Алексей Волков в торжественной обстановке переведет часы на берлинское

время».

В точно назначенный срок солнечные часы были заключены в рамку серо-зеленого каре солдат. Позади с зелеными повязками на рукаве и старыми винтовками за плечами стояли полицейские. Никто из граждан на площадь не явился. Но имена Волковых были на устах у всех. Одни произносили их с недоумением, другие - с горечью.

Отец и сын стояли, обнявшись, на украшенной зеленью и черно-красными штандартами трибуне, и их лица были торжественны и ясны.

По одну сторону Волковых сиял синими глазами бургомистр, по другую - сдвигал клочковатые брови комендант города. Он говорил речь, но таким отрывистым и хриплым голосом, что всем казалось, будто он подает команду.

Комендант кончил, а площадь продолжали сковывать тишина и неподвижность. Двигалась только огромная секундная стрелка на серебристом циферблате механических часов, повешенных над трибуной. Короткими рывками она быстро приближалась к черной цифре 12. Застыла в воздухе над блестящими трубами оркестра затянута в белую перчатку рука капельмейстера. Не выпуская левой руки из рук отца, поднял в воздух правую руку и Алексей Волков: точно в назначенный момент он опустит ее на шпиль солнечных часов, чтобы сдвинуть его на новое место. Казалось, в ожидании застыл самый воздух и превратился в стеклянную массу.

И вот только одна черточка отделяет секундную стрелку от «12».

Старый мастер сказал: «Пора» - и сжал руку сына.

Две руки опустились вниз: одна - в белой перчатке, другая - маленькая и загорелая.

Но только раздался первый звук фашистского гимна, как из солнечных часов взвился к небу огненный смерч.

Страшный грохот потряс город, и всю площадь заволок ржавый дым.

Когда он рассеялся и испуганные горожане опасливо подошли к площади, они увидели обгорелые трупы и сизые от ожогов камни.

Но кусок мраморной доски, сброшенный взрывом на землю, был по-прежнему чист и искрился. И на нем, с улыбкой, обращенной к солнцу, покоилась голова мертвого мальчика.

*И.Д. Василенко. Солнечные часы.  
Ростовское книжное издательство,  
1974 г.*